
Иногда правда — это просто другая версия
ДОСЬЕ
Прямиком из междумирья
Автор:
Елютина Ксения

Ксения Елютина

Третье окно слева. Прямиком из Междумирья.

https://litres.ru/74718957
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир пережил конец света, но не заметил. Вход — через третье окно слева на вокзале Мухосранска (не перепутать с бухгалтерией).

Здесь вампир пьёт бергамот, а его ложка считает это мещанством. Стражник купил осла судьбы и потерял всё остальное. Пираты ссорятся из любви. Ведьма 93 лет выглядит на 25. Демоны берут душу в ипотеку. А за порядком следит ангел с язвительным голубем и вечно забытой печатью.

Девятнадцать историй о грехах, поездах и потерянных душах — для тех, кто любит Пратчетта и верит, что даже после конца света можно найти семью. Даже если для этого придётся разговаривать с ложкой.

Содержание

От автора 5
РАЗДЕЛ I. ПОЕЗДА, ВОКЗАЛЫ И ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ 6
РА 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Ксения Елютина
Третье окно слева.
Прямиком из Междумирья.

От автора

«Этот сборник — дверь в Междумирье. Вход через третье окно слева. Главное — не перепутать с бухгалтерией. Там скучно, просят печать и не наливают чай».

РАЗДЕЛ I. ПОЕЗДА, ВОКЗАЛЫ И ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ

«Говорят, дуракам везёт. Не знаю, кто это сказал, но, наверное, он работал в отделе кадров РЖД».

1. АБСУРДНЫЙ ЭКСПРЕСС: ЧЕТЫРЕ (ЛАДНО, ПЯТЬ) СТАДИЙ ПРИНЯТИЯ АБСУРДА

Говорят, дуракам везёт. Не знаю, кто это сказал, но, наверное, он работал в отделе кадров РЖД. Потому что когда меня, Артёма, назначили проводником на экспресс «Мечта» сообщением Столица — Мухосранск, я понял: либо я дурак, либо кому-то очень нужно, чтобы я им стал.

Экспресс «Мечта» — это такой поезд, в котором мечтаешь только об одном: чтобы он доехал. Маршрут проходит через места, которые на картах обозначены как «зона условной реальности». Женщин в поезде нет — по древнему договору с железнодорожными духами им вход воспрещён. Духи считают, что женский смех нарушает вибрации рельс и может вызвать сход состава. Я не спорил. Я вообще старался не спорить с духами, потому что один раз поспорил и потом

неделю не мог найти ключи от туалета.

Итак, рейс начался. Впереди было несколько встреч, каждая из которых должна была проверить меня на прочность. Я ещё не знал об этом, но уже чувствовал: что-то пойдёт не так. Хотя бы потому, что в моём вагоне всегда что-то шло не так.

Первым был плацкарт, где обосновалось племя хипстеров.

Их было человек тридцать. Все в шапках, несмотря на духоту. У всех бороды разной степени кустистости, но одинаковой степени самолюбования. Они ехали в Мухосранск, потому что, как объяснил мне один из них — парень по имени Никита с бородой, похожей на вьющееся растение, — «это иронично».

— Что именно? — спросил я.

— Ехать в Мухосранск, — сказал Никита. — Никто туда не хочет, поэтому мы хотим. Это деконструкция туристического желания.

— Чего желания? Хотя. Ясно, — сказал я, хотя ничего мне было не ясно. — Ваши билеты?

С билетами у них всё было в порядке. Проблемы начались, когда я раздавал им постельное бельё. Оказалось, что хипстеры не могут поделить, чей комплект более аутентичен.

— У меня бельё серое, — сказал один. — Как мода на искренность. Серый — это новый чёрный.

— А у меня белое, — возразил другой. — Белое символизирует пустоту смыслов. Это более иронично.

— Твоя борода недостаточно длинна, чтобы говорить о пустоте смыслов! — вскинулся первый.

Они начали спорить. Спор перерос в дебаты. Дебаты — в философский диспут. Через пятнадцать минут плацкарт гудел, как улей, а я стоял с кипой сырого белья и понимал, что если сейчас не вмешаюсь, они начнут обсуждать мои форменные брюки.

— Тихо! — гаркнул я. Все замолчали. — Кто тут главный по бородам?

Хипстеры переглянулись. Потом вперёд вышел самый бородатый — его звали, кажется, Елисей.

— Мы не признаём иерархий, — сказал он. — Но вообще-то я.

— Отлично, — сказал я. — Слушай сюда, как там тебя. Елисей. Бельё серое, потому что его стирали в серой воде. Бельё белое, потому что оно выцвело и вообще у меня болезнь закончилась. И то и другое чистое, а это часть художественного замысла. Называется «Круговорот быта в природе». Все всё поняли?

Хипстеры покорно закивали. Елисей посмотрел на меня с уважением.

— Это очень иронично, — признал он.

— Знаю, — сказал я и пошёл дальше.

В купе 6 обнаружился вампир-пенсионер. Выглядел он так, будто его вытащили из склепа, не дав досмотреть последний сон. Худой, бледный, в старомодном плаще с поднятым воротником, несмотря на духоту. На коленях у него лежал термос с надписью «Кровь с малиной».

— Чайку бы, — прошамкал он, увидев меня.

— Чай — в вагоне-ресторане, — сказал я. — Могу принести, но у нас только пакетированный.

— Пакетированный?! — Вампир скривился так, будто я предложил ему чесночную настойку. — В моё время чай заваривали в чайнике. И кровь пили из горла, а не из термоса. Молодёжь...

— Вам чем-то помочь? — спросил я, стараясь сохранять профессиональный тон.

— Ложка пропала, — пожаловался вампир. — Была чайная ложка, положил в карман плаща, а она исчезла. В плаще дыра, что ли?

Он начал шарить по подкладке и извлёк оттуда сперва носовой платок, потом моток чёрной шерсти, потом маленькую летучую мышь, которая зевнула и улетела в коридор, и наконец — ложку.

— А, вот она, — удовлетворённо сказал вампир. — Век бы её не видел, честно говоря.

— Почему? — спросил я.

— Она разговаривает, — мрачно сказал вампир. — И всё

время критикует мой выбор чая. Говорит, бергамот — это мещанство.

Я решил не углубляться. В конце концов, у каждого свои проблемы.

В следующем купе ехала делегация ада. Я узнал их сразу: двое в чёрных костюмах, чёрных очках и с чёрными папками. На бейджиках значилось «Вельзевул, отдел контроля» и «Гоша, младший контролёр». Пахло серой и одеколоном «Совещание».

— Артём! — обрадовался Вельзевул. — Ты теперь проводник? А мы тебя помним. Ты доставлял нам душу топ-менеджера. Свежая была душа, но потасканная.

— Было дело, — кивнул я. — Куда теперь едете?

— На конференцию, — вздохнул Гоша. — В Мухосранске проходит межведомственный съезд по демографии грешников. Тема: «Кризис среднего греха: почему молодёжь больше не хочет продавать душу за успех».

— И почему? — спросил я из вежливости.

— Потому что им предлагают успех в кредит, — мрач-

но сказал Вельзевул. — Мы не выдерживаем конкуренции с банками. Какой смысл продавать душу, если можно взять ипотеку?

Я посочувствовал. Но Вельзевул ещё не закончил. Он поправил очки и строго посмотрел на меня.

— А вот у тебя, Артём, есть лицензия на существование?

— На что? — я моргнул.

— На существование, — терпеливо повторил Гоша. — Документ, подтверждающий твоё право находиться в реальности. Форма Б-666. Заверяется в инстанции.

— Я не знал, что мне нужна такая форма, — честно сказал я.

— Все так говорят, — вздохнул Вельзевул. — А потом мы проводим внеплановую инвентаризацию душ, и выясняется, что половина пассажиров существует нелегально. Пиратски. Как вы спите по ночам?

— Обычно на боку, — сказал я.

Демоны переглянулись.

— Шутник, — констатировал Гоша. — Шутники обычно существуют без лицензии. Будем составлять протокол.

Я понял, что если сейчас не проявлю смекалку, то до конца рейса буду заполнять бюрократические формуляры. Поэтому я сделал то, чему научился за годы работы в сфере обслуживания: прикинулся идиотом с документами.

— У меня есть вот это, — сказал я и протянул им свой пропуск проводника.

Вельзевул взял его двумя пальцами, поднёс к глазам.

— Тут написано «Артём С. Проводник. Годен до...» Дальше размыто.

— Это потому что я ещё не решил, до какого года я годен, — пояснил я. — Я суеверный.

Гоша достал печать и с размаху шлёпнул ею по моему пропуску.

— Мы оформили тебе временное разрешение на существование, — сказал он. — До конца рейса. Дальше — как пойдёт.

— Спасибо, — сказал я. — А теперь ваши билеты.

С билетами у демонов тоже был порядок — они всегда уважали бюрократию. Но вот незадача.

— Печать сломалась, — признался Гоша, показывая мне документ. — Видишь? Тут должно быть заверение кровью девственника, но девственников в нашем отделе больше нет. Последний уволился.

— А чем вы обычно заверяете? — спросил я.

— Кровью.

— А если попробовать не кровью?

Демоны переглянулись. В их практике это был революционный подход.

— У меня есть канцелярская печать «Одобрено», — сказал я. — Обычно я ей заверяю акты о неработающем кондиционере. Но, думаю, для межведомственного съезда сойдёт.

— А это законно? — спросил Гоша.

— Мы в поезде «Мечта», — напомнил я. — Тут всё законно, пока поезд движется.

Я приложил печать. Документ засветился красным, потом успокоился и стал выглядеть так, будто его заверили в высшей инстанции. Вельзевул посмотрел на меня с новым интересом.

— А ты далеко пойдёшь, — сказал он. — Но мы всё равно будем ждать. Вечность — она длинная.

— Заходите в вагон-ресторан, — сказал я. — Там сегодня яичница и откровения.

В вагоне-ресторане я решил передохнуть. За стойкой стоял бармен — мужчина лет пятидесяти с лицом философа, которого выгнали из академии за излишнюю практичность. Звали его дядя Коля.

— Чай, — попросил я.

— Чай — это не просто напиток, — сказал дядя Коля, не двигаясь с места. — Это метафора.

— Коля, у меня смена, — сказал я. — Давай без метафор.

— Вся жизнь — метафора, — сказал Коля, наливая чай. — Вот смотри. Ты — проводник. Ты ведёшь вагон. Но кто ведёт тебя? Риторический вопрос. Яичницу будешь?

— Буду.

Он поставил передо мной яичницу. Готовил Коля отвратительно, но философствовал ещё хуже, поэтому я предпочитал есть и не слушать. Но сегодня он был в ударе.

— Этот поезд, — сказал он, протирая стакан, — это метафора мужского эскапизма. Мы все едем в Мухосранск, потому что бежим от чего-то. Ты — от ответственности. Хипстеры — от смысла. Демоны — от конкуренции. Вампир в шестом купе — от пенсионной реформы.

— А ты? — спросил я с набитым ртом.

— А я — от бывшей, — просто сказал Коля. — Она работала шеф-поваром. Я не мог больше слышать критику моей яичницы. Поэтому устроился в поезд, где женщин нет.

— И как?

— Яичница всё равно получается плохая, — вздохнул Коля. — Но теперь меня хотя бы некому ругать.

В этот момент поезд тряхнуло, и стакан, который он протирал, треснул. Коля посмотрел на трещину и кивнул каким-то своим мыслям.

— Видишь? Даже стаканы не выдерживают моих разговоров.

Я доел яичницу, запил чаем и двинулся дальше. И тут я наткнулся на купе 13.

По документам его не существовало. По планировке вагона — тоже. После двенадцатого купе шёл туалет, а потом стена. Но сегодня за туалетом обнаружилась дверь с номером 13, и из-под неё шёл свет — не обычный вагонный, а какой-то тёплый, золотистый, будто там внутри спал кто-то очень важный.

Я постучал. Никто не ответил. Я открыл дверь.

В купе на полке лежал человек и спал. Выглядел он обычно: мужчина лет сорока, в мятом пиджаке, с лицом человека, который заснул на совещании и видит во сне, как он увольняется. Но вокруг него плавало золотистое свечение, а из головы тянулись тонкие нити света, уходящие в стены вагона.

Я присмотрелся. Нити пульсировали в ритме, который точно совпадал с перестуком колёс. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

И тут до меня дошло. Поезд шёл по рельсам, потому что этот человек видел сон, в котором он — поезд. Если его разбудить, поезд исчезнет. Если дать ему спать дальше — мы доедем. Но если он перевернётся на другой бок...

Я аккуратно поправил ему подушку. Поезд мягко качнулся и выровнялся.

— Спите, — прошептал я. — До Мухосранска ещё три часа. Я постучу, когда приедем.

И тихо прикрыл дверь.

Оставался последний вагон — СВ. В документах значилось, что место в последнем купе занято. Пассажир — мужчина, билет оплачен, данные указаны. Имя: Артём С.

Моё имя.

Я открыл дверь и увидел его. Он сидел на полке и смотрел в окно. Выглядел как я, но немного иначе — чище, спокойнее, будто его версия меня никогда не работала провод-

ником и спала по ночам.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — сказал я. — Ты — это я?

— Ну, не совсем. Я — это ты из параллельной реальности. Той, где ты не проводник, а счастливый пассажир. У меня билет до Мухосранска. А у тебя — смена.

— И что ты здесь делаешь?

— Меняюсь с тобой, — сказал он. — На одну остановку. Ты устал, я вижу. Посиди, отдохни. А я похожу с флажком.

Это звучало как предложение, от которого нельзя отказаться. Я сел на его место, а он взял мой флажок и вышел в коридор. Я смотрел в окно и ни о чём не думал. Это было прекрасно.

Через пятнадцать минут он вернулся.

— Там хипстеры опять спорят о бородах, — доложил он. — Я сказал им, что борода — это патриархальный конструкт, и они теперь пытаются друг друга побрить. Вампир нашёл ложку, но она поссорилась с термосом. Демоны просят ещё

одну печать. Бармен Коля говорит, что ты не доел яичницу, и это его ранило. А в туалете кто-то забыл треуголку.

— Пираты? — спросил я. — Пираты всегда забывают треуголки. Хотя я не помню, чтобы они садились.

— В этом поезде никогда ничего не помнишь до конца, — философски заметил мой двойник. — Ну что, отдохнул?

— Вполне, — сказал я и встал. Он вернул мне флажок, я вернул ему полку.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил он. — Увидимся на следующем рейсе.

Я вышел из купе и закрыл дверь. Из-за двери не доносилось ни звука. Возможно, он просто исчез. А возможно, сидит там до сих пор и смотрит в окно. В любом случае, это была лучшая остановка в моей жизни.

В Мухосранск мы прибыли на рассвете. Поезд остановился, шипя и вздыхая, как уставший зверь. Я вышел на перрон и вдохнул утренний воздух. Пахло полынью, шпалами и свободой.

Хипстеры высыпали на платформу и тут же начали фотографировать станцию — она была достаточно обшарпанной, чтобы считаться ироничной. Демоны чинно прошествовали к выходу, обсуждая повестку конференции. Вампир, шаркая, удалился в сторону вокзального буфета, прижимая к груди термос и бормоча что-то про бергамот.

Дядя Коля высунулся из окна вагона-ресторана и крикнул мне:

— Артём! Я понял! Поезд — это не метафора! Это просто поезд!

— Молодец, Коля! — крикнул я в ответ. — Это прорыв!

А потом я посмотрел на пустой перрон и понял: вот он, идеальный мужской мир. Никто никого не пилит. Никто не спрашивает, почему ты не позвонил. Никто не говорит, что ты неправильно держишь флажок. Только тишина, пиво и полное отсутствие обязательств.

И тут из динамика раздался голос диспетчера:

— Артём, готовь вагон к обратному рейсу. В Мухосранске сели пассажиры. Экскурсионная группа. Бабушки. Тридцать

восемь человек. Все с пирожками и вопросами «а почему вы не женаты?».

Я закрыл глаза и досчитал до десяти.

Ничего. Мужской рай закончился. Зато началось то, ради чего я вообще работаю проводником: абсолютный, кромешный, великолепный абсурд.

Я поправил фуражку и пошёл открывать двери.

2. КУРЬЕРСКАЯ ДОСТАВКА «БЫСТРЫЙ ГРЕШНИК»

Артём работал в «Быстрой Доставке 1» уже полгода и считал, что повидал всё, что возможно. Он возил пиццу в морг, суши в военкомат и кофе в офис налоговой — туда, где кофе должен был превращаться в слёзы налогоплательщиков. Но сегодняшний заказ переплюнул всё.

Телефон пиликнул: «Новый заказ. Ресторан "Геенна". Доставить: Вельзевулу. Адрес: Переулок Теней, дом 666, вход через подвал. Чаевые: 666 рублей. Примечание: Не опаздывать. Очень не опаздывать».

— 666 рублей? — Артём присвистнул. — Да я за эти деньги, да хоть в ад спущусь.

Он ещё не знал, что именно так всё и будет.

Ресторан «Геенна» нашёлся в подвале старой панельной хрущёвки. Там пахло серой и почему-то офисным кофе. За стойкой стоял парень с бледным лицом и бейджиком «Администратор Гоша».

— Заказ для Вельзевула? — спросил Гоша и подал пакет. — Слушай правила. Первое: не открывай пакет. Второе: не слушай, что пакет говорит. Третье: если к тебе подойдут контролёры и спросят, есть ли у тебя душа, говори, что уже продал её через приложение Профи.ру.

Артём хмыкнул и взял пакет. Пакет был ледяной, как душа его бывшей, хотя на улице жарило, как в аду, конечно, термометр на окне показывал 36 градусов. Изнутри доносилось деликатное чавканье.

— Там что, мышь? — спросил Артём.

— Там душа топ-менеджера, — устало сказал Гоша. — Очень свежая. Её сегодня утром изъяли на совещании. Не

перепутай, у нас ещё заказ на душу депутата, но тот нервный и пахнет тройным одеколоном, пил он его что ли?

Артём пожал плечами, сунул пакет в термосумку и поехал.

Навигатор построил маршрут в самый странный район города. Улицы там петляли, как пьяные змеи, дома перемигивались окнами, а светофоры показывали не красный и зелёный, а фиолетовый сигнал. Артём ехал и насвистывал. Он не боялся. Чего бояться, когда у тебя рейтинг 4.9?

Пакет заговорил через пять минут.

— Забитов, — сказал он голосом школьной учительницы. — Ты забыл сдать сочинение в девятом классе. Теперь ты никогда не поступишь в институт, так и помрёшь курьером.

— Так я и не поступил, — ответил Артём, крутя педали. — И да, работаю курьером. И вообще, ты пакет. Так что заткнись.

Пакет обиженно умолк, но через минуту заговорил снова. Теперь голосом бывшей девушки:

— Артём, открой меня. Я здесь, и я голая.

— Света, ты меня бросила ради менеджера с «Мерседесом», — сказал Артём. — И потом, ты пакет. Ты не можешь быть голым.

— А ты открой и проверь, — соблазнительно прошелестел пакет.

Артём молча прибавил скорость. Его учили на курсах: «Если заказ пытается вас соблазнить — игнорируйте. Это стандартная ситуация».

Переулок Теней нашёлся там, где его быть не могло. Артём трижды проехал мимо мусорных баков, прежде чем баки расступились и показали чугунную дверь с надписью: «ООО "Преисподняя". Приём по записи». На двери висел домофон. Артём нажал кнопку.

— Кто? — прохрипел динамик.

— Курьер. Доставка для Вельзевула.

— Пароль.

— Какой пароль? У меня нет пароля.

— Тогда скажи: «Я принимаю условия пользовательского соглашения».

— Я принимаю условия пользовательского соглашения, — покорно сказал Артём.

Дверь со скрипом открылась. За ней обнаружился длинный коридор, освещённый тусклыми, мигающими лампами. Стены были обиты офисным сайдингом. Пахло серой и доместосом. Навстречу Артёму вышли двое в чёрных костюмах. У них были чёрные очки, чёрные галстуки и небольшие, аккуратные рога, прикрытые шляпами.

— Служба контроля качества, — сказал первый. — Предъявите пакет.

Артём показал. Второй контролёр понюхал пакет.

— Свежая душа, — констатировал он. — Но мы должны проверить, не нарушили ли вы условия хранения. Вы не охлаждали её дополнительно?

— Штатной термосумкой, — честно сказал Артём.

— Штраф, — сказал первый контролёр. — За недостаточное охлаждение — минус одна звезда.

— За что?! — возмутился Артём. — На улице тридцать градусов! Я что, должен в холодильнике ехать?

— Ваши проблемы, — пожал плечами контролёр. — Хотите оспорить? Пишите заявление. Его рассмотрят в течение трёх лет.

Артём понял, что спорить с бюрократами — всё равно что жаловаться на погоду. Он молча поехал дальше.

Коридор заканчивался большим залом. Это был типичный офис: кулер с водой, пластиковые стулья, скучающие сотрудники за компьютерами. Только компьютеры были стимпанковские, с шестерёнками, а вместо кофе в кулере булькала кипящая смола. За одним из столов сидела женщина с лицом, выражающим вечную усталость.

— Здравствуйте, Валентина, — сказала она.

— Я не Валентина.

— Я Валентина, — хмыкнув, парировала секретарша. — Оставьте пакет на стойке и получите подпись.

— Мне нужна личная подпись клиента, — твёрдо сказал

Артём. — Таков регламент.

Секретарь вздохнула так, словно её только что попросили переделать годовой отчёт.

— Господин Вельзевул занят. У него совещание по квотам на грехи. Но если вы настаиваете...

Она нажала кнопку. Часть стены отъехала в сторону, и Артём оказался в кабинете начальника.

Кабинет был шикарен: панорамное окно с видом на огненное озеро, кожаное кресло, стол из красного дерева. За столом сидел Вельзевул. Выглядел он как обычный топ-менеджер: дорогой костюм, ухоженная бородка, усталый взгляд. Рога были аккуратно спилены, копыта скрывали дорогие туфли. Он говорил по телефону.

— Нет, Абаддон, я не могу сократить штат грешников. Мне нужно выполнять план по мукам... Что значит «они увольняются»? Куда? В рай? Так перекрой им доступ! Всё, я занят.

Он бросил трубку и уставился на Артёма.

— Доставка, — сказал Артём. — Вот ваш пакет. Распи-

шитесь.

Вельзевул нетерпеливо чиркнул на планшете, потом разорвал пакет и извлёк душу. Она выглядела как светящийся белый шарик, но чуть помятый.

— Так, — сказал Вельзевул, вертя шарик в пальцах. — Тщеславие — на уровне. Жадность — присутствует. А где амбиции? Я заказывал душу с амбициями! А тут ни одной!!!

— В спецификации не указано, — Артём пожал плечами. — Я курьер. Все вопросы к исполнителям.

— Я буду жаловаться, — пригрозил Вельзевул.

— Жалуйтесь, — сказал Артём. — Но тогда я отмечу заказ как невыполненный, и вы не получите кэшбек.

Глаза Вельзевула сузились. Как и все демоны, он был патологически жаден до акций и бонусов.

— Кэшбек? — переспросил он.

— Пять процентов от суммы заказа возвращается на ваш счёт в виде бонусных баллов, — отчеканил Артём. — Но только если вы подтвердите доставку без претензий.

Вельзевул колебался ровно секунду. Потом широко улыбнулся.

— Заказ принят. Претензий нет. Дайте мне мои бонусные грехи, — сказал тот, протягивая руку.

— Не грехи, а баллы. Они придут в личный кабинет.

— Сами?

— Сами.

Артём нажал «Завершить заказ». Телефон пиликнул: «Чай от Вельзевула: 666 . Рейтинг повышен до "Алмазный гонец". Вам доступна новая ачивка: "Укротитель бюрократов"».

Когда Артём вышел из подвала и сел на велик, телефон пиликнул снова. Это было приложение: «Новый заказ. Ресторан "Райские кущи". Доставить архангелу Михаилу. Оплата: спасение души. Примечание: если курьер опоздает, начнётся апокалипсис».

Артём вздохнул и нажал «Принять». Работа есть работа. Тем более что вечером повышающий коэффициент.

3. ЧАС ТИШИНЫ, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ВЗГЛЯДА НА ЗАКАТ

День был неожиданно хорошим, но странным. Наши герои — да, вы не ослышались, именно герои — провели его по-разному, но объединяло их одно. Декаданс. Приглядимся же, что произошло.

Началось всё с того, что над миром встал закат. Не обычный закат, каких в июле случается по штуке в день, а особенный — медленный, тягучий, цвета бергамота и старого золота. Он разлился по небу от края до края, как будто кто-то наверху пролил чай. И все, кто был способен чувствовать, на мгновение замерли. Даже те, кто не был способен, — и те замерли, просто из уважения.

Первым это заметила Митатрон. Она стояла у Небесных Врат — тех самых, которые закрываются ровно в восемь вечера по небесному времени, — и просматривала сводку. Сводка была скучная: кто-то нагрешил, кто-то замолил, кто-то опоздал с покаянием и теперь висел на линии ожидания. Но Митатрон не думала о работе. Она смотрела вниз.

Земля лежала под ним, как старая карта, которую кто-то

забыл свернуть. И на этой карте, подсвеченные закатом, проступали три фигуры. Три крошечные, нелепые, бесконечно родные фигуры. Пират. Вампир. Проводник. Митатрон не знала их имён, но чувствовала, как чувствуют приближение грозы или запах свежей выпечки.

— Опять, — сказала Митатрон сама себе. — Опять они смотрят. У них там что, традиция?

Никто не ответил. Ангелы не отвечают на риторические вопросы. Это у них профессиональное.

А внизу, на просторах Тихого океана, в полном штиле дрейфовал корабль. На палубе стоял капитан и смотрел на море. Море было гладким, как старое зеркало, и отражало закат с такой точностью, что казалось — там, под водой, горит второй огонь, более тихий и печальный.

— Вот ты, — сказал капитан морю. — Ты — единственное, что я люблю. Потому что ты никогда не говоришь мне «заткнись».

Море не ответило. За это капитан любил его особенно сильно.

Сзади, разумеется, скрипнула палуба. Старпом. Вечный,

неистребимый старпом. Он встал рядом и тоже уставился на горизонт, хотя горизонт был точно там же, где и всегда.

— Кэп.

— М?

— Ты с морем разговариваешь?

— Нет, — сказал капитан. — Я с морем медитирую. Это другое.

— А мне послышалось...

— Тебе послышалось.

Старпом помолчал, переваривая. Потом, видимо, решил, что если уж капитан медитирует, то и он имеет на это право.

— А можно я тоже? — спросил он. — Помедитирую? На море?

— Медитируй. Море общее.

И они стояли вдвоём — два пирата, один пожилой и видавший виды, второй просто видавший виды, — и смотрели,

как солнце медленно тонет в океане. И оба думали об одном и том же: что у них нет рома, нет добычи, нет ветра, но есть это. Закат. Тишина. И то странное, щемящее чувство, которое капитан назвал декадансом, а старпом назвал «ну такое, когда вроде грустно, а вроде и нормально».

Вампир в это время сидел у окна.

Окно выходило на железную дорогу. Закат заливал пути оранжевым, рельсы блестели, как серебро, и вампир, глядя на них, думал о своей ложке. О той самой. О серебряной, скрипучей, вечно недовольной. Которая говорила ему, что бергамот — это мещанство, и он возражал, и она вздыхала, и этот вздох был для него дороже, чем все серенады мира.

— Ты найдёшься, — сказал вампир окну.

Окно не ответило. Окна вообще редко отвечают. Но вампир знал: она слышит. Где-то там — может, на полу в морге, может, под откосом у путей, может, в кармане чужого плаща — она слышит. И ждёт. И когда они встретятся, первое, что она скажет, будет: «Опять бергамот?». И он ответит: «Да». И всё встанет на свои места.

Он налил себе чай. Без ложки, просто так — макнул пакетик, как обычный смертный. Чай был невкусным, но цвет

у него был правильный. Бергамотовый. Закатный.

— За тебя, — сказал вампир и поднял чашку к окну. — Где бы ты ни была.

И тут — он мог бы поклясться, хотя вампиры не клянутся, — где-то вдалеке, за полем, за путями, за станцией, раздался едва слышный звон. Серебряный. Ложечный. Как будто кто-то маленький и храбрый сказал: «Я здесь».

Вампир улыбнулся. Впервые за месяц.

Артём в это время сидел на перроне Мухосранска.

Он только что проводил обратный рейс. Бабушки уехали, оставив после себя шлейф из пирожков, вопросов «почему вы не женаты» и одного потерянного носового платка, который Артём подобрал и повесил на фонарный столб — вдруг вернутся. Теперь платформа была пуста, и только луна, большая и жёлтая, вставала над кривыми крышами.

— Ты моё всё, — сказал Артём Мухосранску.

Город не ответил. Но одна из лампочек на столбе мигнула. Артём решил, что это «да».

Рядом, на соседнем ящике из-под каких-то станционных причиндалов, сидел бармен Коля. Он вышел из вагона-ресторана подышать и заодно пофилософствовать. Философия была его побочным эффектом — как икота, только хуже.

— Ты с городом разговариваешь, — заметил Коля.

— Нет. Я с городом молчу. Это другое.

— Понимаю, — сказал Коля. — Молчание — это высшая форма диалога. Я три года молчал с бывшей. Она думала, что я тихий. А я в уме спорил с ней о рецепте борща.

— И кто победил? — спросил Артём.

— Скалка, — сказал Коля. — Скалка всегда побеждает.

Они помолчали, глядя на луну. Потом Коля спросил:

— Ты правда любишь этот город? Он же кривой.

— Он не кривой, — сказал Артём. — Он индивидуальный. У него характер. Он как старый термос: снаружи потёртый, внутри горячий.

— Это ты красиво сказал, — признал Коля. — Прямо как

я.

— Не льсти себе.

— А я и не себе. Я термосу. Он у меня тоже старый.

И они засмеялись — тихо, чтобы не разбудить спящий Мухосранск. А Мухосранск и не думал спать. Он слушал. И, кажется, улыбался всеми своими кривыми окнами.

Митатрон наверху видел всё это. Видел пиратов на море, вампира у окна, Артёма на перроне. И чувствовал, как между ними, поверх расстояний и реальностей, пробегает что-то вроде тока. Не магия. Не чудо. Просто — связь. Та самая, которая возникает, когда несколько одиноких существ одновременно смотрят в одну и ту же пустоту и любят её.

— Странные они, — сказал Митатрон. — У каждого есть что-то, на что он смотрит. Море. Окно. Город. А у меня...

Он оглянулся на Небесные Врата. Врата были закрыты. Контора гудела отчётами. Вечность лежала впереди, ровная и бесконечная, как расписание поездов.

— У меня — вы, — сказал Митатрон, обращаясь ко всем четверым сразу, хотя четверо его не слышали. — Вы — моё

море. Моё окно. Мой Мухосранск. Я на вас смотрю. И это, кажется, любовь.

В канцелярии пискнул сигнал: кому-то внизу потребовалось маленькое чудо. Митатрон вздохнула — нет, не вздохнула, бессмертным не положено, — просто расправила крылья и пошла оформлять.

А внизу закат догорел. Наступила ночь. И четверо — капитан, вампир, Артём и Митатрон — уснули каждый в своей пустоте, даже не подозревая, что они давно уже не одни. Что они — чей-то пейзаж. Чья-то тишина. Чьё-то море.

И что где-то под полом морга серебряная ложечка тоже засыпает, уткнувшись в пыль, и видит во сне бергамотовый закат.

Конец дня. Начало декаданса. Продолжение следует.

4. ДОРОГОЙ ДНЕВНИК

Дорогой дневник.

Сегодня ночью я снова разговаривал с пустотой. Не в том смысле, в каком это делают сумасшедшие, — нет, я сидел в

хвостовом вагоне, где никто не ездит, и смотрел, как за окном проплывают тёмные полустанки. Поезд шёл медленно, будто тоже устал, и колёса выстукивали что-то вроде «не-спе-ши, не-спе-ши». Я и не спешил.

Рейс был ночной, из тех, что называют «собачьим»: пустые вагоны, редкие пассажиры, спящие в обнимку с сумками, и запах хлорки, смешанный с чьим-то перегаром. Я разбудил одного мужика на его станции, он долго тёр лицо, спрашивал, где мы, будто не верил, что уже приехали. Потом вышел в темноту и исчез. Я смотрел ему вслед и думал: вот так и уходят люди — в темноту, даже не оглянувшись.

Дорогой дневник, я часто думаю о том, что мой разум похож на этот поезд. Только вагоны в нём не для пассажиров, а для воспоминаний. Есть вагон детства — там всегда горит тусклый свет, и пахнет бабушкиными пирогами, но дверь заколочена, потому что внутри слишком много того, что я не хочу трогать. Есть вагон юности — там шумно, накурено, и все разговоры о чём-то важном, но если зайти, то сразу наваливается тоска по тем временам, когда я ещё верил, что всё будет хорошо. Есть вагон ошибок — он самый длинный, я его ненавижу, но поезд без него не поедет.

Сегодня я прошёлся по этому составу. Не физически, конечно, — я сидел в хвосте, пил остывший чай из крышки

термоса и перебирал в голове свои станции. Начал с самой дальней: мне лет семь, я стою у окна в деревне у деда, и за окном идёт дождь, а дед говорит: «Смотри, как моет землю. Хорошо». Я тогда не понимал, что в этом хорошего, а теперь понимаю: дождь смывает всё, даже то, что не хочется помнить.

Потом перескочил в юность — первая работа, первый начальник, который орал так, что у меня до сих пор иногда звенит в ушах. Я тогда мечтал убежать куда-нибудь далеко, в другой город, где меня никто не знает. Убежал. Но поезд разума не обманешь: он всё равно возит меня по старым маршрутам.

Дорогой дневник, ты, наверное, спросишь, зачем я пишу тебе всё это. Отвечу: потому что больше некому. Люди вокруг есть, но они все куда-то спешат, и им не до моих вагонов. А ты — другое дело. Ты молчишь, но я знаю, что ты слушаешь. Ты, как этот пустой поезд, принимаешь меня любым.

Я тут подумал: а ведь у каждого человека есть такой состав. И мы все едем в нём, не зная, куда прибудем. У кого-то вагоны набиты счастьем, у кого-то — пустотой. У меня, видимо, микс. Но я не жалуюсь. Мне нравится моя работа: она даёт время подумать, помолчать, посмотреть в окно и увидеть в тёмном стекле своё отражение.

Иногда кажется, что там, за стеклом, не ночь, а другой мир. Более честный. Там нет фальши, нет спешки, нет людей, которые делают вид, что им хорошо. Там только рельсы, уходящие в темноту, и редкие огни, похожие на чьи-то забытые надежды.

Я сидел и думал: вот я, проводник, везу чужие судьбы. А кто везёт мою? Наверное, этот же поезд. Круговой маршрут, без конечной. Впрочем, конечная есть, но о ней лучше не думать. Всё равно приедем.

Дорогой дневник, я сегодня снова не спал. Смена закончилась в шесть утра, я сдал вагон, расписался в журнале и пошёл домой через депо. Утро было серое, как старая простыня. Я шагал мимо спящих составов, и они казались мне огромными мёртвыми зверями, которые днём оживут и побегут по своим делам. А я — погонщик этих зверей. Или их слуга. Кто знает.

Дома я не стал есть, просто лёг и закрыл глаза. Но перед этим сел за стол и написал тебе. Потому что боялся, что завтра забуду, о чём думал. А мысль, которую не записал, исчезает, как станция за окном.

Знаешь, что самое странное? Мне нравится моё одиноче-

ство. Я с ним сросся, как старый шрам. Оно не болит, но я всегда знаю, что оно есть. И когда я иду по пустому вагону, протираю поручни, проверяю билеты у тех, кто спит, я чувствую себя почти счастливым. Потому что в эти минуты я не должен никому. Даже себе.

Дорогой дневник, прости, если всё это слишком мрачно. Просто ночь, пустой поезд и тишина — лучшие рассказчики. Они нашептали мне всё это, а я, как дурак, записал.

Пойду спать. Завтра снова рейс. И снова вагоны, станции, чужие судьбы. А потом я снова вернусь к тебе и расскажу, что увидел в окне.

Спокойной ночи, дорогой дневник. Пусть тебе приснится что-нибудь хорошее. Например, море. Или лес. Или просто тишина.

Твой Артём.

PA

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.